Марина Ефиминюк

Любовь к драконам обязательна!

Не злите добрую колдунью!

Марина Ефиминюк

Любовь к драконам обязательна!

«Эксмо»
2023

УДК 159.9
ББК 86.411

Ефиминюк М. В.

Любовь к драконам обязательна! / М. В. Ефиминюк — «Эксмо», 2023 — (Не злите добрую колдунью!)

ISBN 978-5-04-215585-7

Ни для кого не секрет, что Таннер ди Элрой — невыносимый циничный сноб! А еще он мой шеф, и злить его чревато. Не стоит терять его ручного дракона, портить пиджак и поливать любимый кактус клюквенным морсом. Но самое главное — ни в коем случае нельзя с ним целоваться! Тогда не придется придумывать, как выпутаться из этого… служебного недоразумения. Одного не понимаю: почему я никогда не следую собственным советам?

УДК 159.9
ББК 86.411

ISBN 978-5-04-215585-7

© Ефиминюк М. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог 6
1 Продавец чистой радости 9
2 Личный стажер тирана 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Марина Владимировна Ефиминюк
Любовь к драконам обязательна!

© Ефиминюк М., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Пролог

– Господа, сегодня вам необычайно повезло! В этом году открыта не одна, а целых две вакансии стажеров! – объявила дама средних лет с мелкими кудельками на подкрашенных басмой волосах. – И главное! Собеседование проведет лично господин ди Элрой!

Народ в коридоре возбужденно зашептался. Ужасно хотелось спросить, кто такой этот Элрой с приставкой «ди», говорившей о высоком происхождении, если одно упоминание его имени ввело в душевный трепет даже выпускников Королевской академии. Я постеснялась показаться невеждой и уменьшить шанс на получение места. Украдкой вытащила из ридикюля сложенную газету и пробежала глазами по колонке «Ищем сотрудников».

Торговый дом назывался «Драконы Элроя», и вряд ли в этом переполненном коридоре кто-то еще не знал, что пресловутый ди Элрой – владелец и коридора, и всего здания, и даже стула, на котором я сидела. Впрочем, сомневаюсь, что конкуренты на вакантное место узнали о конкурсе полчаса назад из газетного объявления, когда возвращались с треском проваленного собеседования в конторе судебных заступников. Пятидесятого по счету.

Между прочим, я окончила законоведческое отделение. Правда, в Институте благородных девиц. Но все равно неплохо разбиралась в бракоразводных процессах и правах женщин в браке. Ну и еще умела кое-что по мелочи. Например, с завидной регулярностью вытаскивала из застенка матушку, державшую трактир. Она попадала в тюремную башню за попрание винного закона.

Соседка слева достала из ридикюля зеркальце, баночку с краской алого цвета и принялась кисточкой мазюкать по губам, превращая вполне нормальный рот в яркое пятно.

– Разве вы не знаете, что Таннер ди Элрой умопомрачительно красив? – с презрением фыркнула она, поймав через зеркальце мой недоуменный взгляд.

– А еще, говорят, он ценит профессионализм, – индифферентно заметил сосед справа, намекая, что алые губы с интеллектом никак не связаны.

На самом деле, подозреваю, он был активно недоволен тем, что конкурентка могла выиграть несколько баллов за счет броского мазка, пусть мазок и походил на кляксу. Сам-то бедняга был полным лысеющим клерком, которому точно не стоило красить губы.

Я почти собралась выяснить, чем торговал тандем Таннера ди Элроя и дракона, но не успела открыть рта, как «кудельковая» дама снова появилась в коридоре, а потом объявила:

– Когда услышите свое имя, пожалуйста, проходите в кабинет. – Она указала на дверь, из которой только что вышла. – С вами будет беседовать господин ди Элрой.

Полный коридор соискателей непрозрачно намекал, что ждать придется долго. Можно даже почитать любовный романчик, если прикрыть книжку ридикюлем, но очередь начала неожиданно быстро редеть. Люди заходили в кабинет и выходили оттуда, не пробыв и нескольких минут. Кто-то вылетал арбалетным болтом, другие выползали с серыми лицами, будто при смерти. Соседка с накрашенными губами выскочила как пробка из бутылки, оглядела настороженных соискателей и разрыдалась.

– Тереза Амэт! – позвала меня дама.

– Здесь!

Чуть не уронив с колен сумку, я вытянулась в струнку, точно перенеслась на семинар по семейному праву у наставницы Ру (скучнейший предмет, между прочим).

– Проходите, – велели мне.

– Благодарю.

В кабинет я впорхнула с особой доброжелательной улыбкой, вбиваемой в слушательниц Института благородных девиц едва ли не с первого дня учебы. Почему-то считалось, что кро-

тость нравилась будущим нанимателям, которые чуточку позже всенепременно были обязаны стать нашими супругами.

Мужчина, сидевший за большим столом, оказался действительно хорош собой. Красиво подстриженные темные волосы, породистое лицо и синие глаза (в последнем была не очень-то уверена, зрение меня могло запросто обмануть). Он оторвался от изучения анкеты, которую я подала, когда записывалась на собеседование, и указал рукой на деревянный стул, стоявший посреди комнаты.

– Присаживайтесь.

Стуча каблуками, я прошла и с прямой, как доска, спиной опустилась на самый кончик жесткого сиденья. Не специально, конечно, просто от волнения чуть мимо не махнула. Со своего места я видела под столом решетчатую мусорную корзину, полную безжалостно выброшенных анкет.

– Итак, госпожа Амэт. – Таннер нанизал меня на пронзительный взгляд. – Почему вы хотите служить в «Драконах Элроя».

Потому что отчаянно не желаю работать в матушкином трактире многопрофильным специалистом «три в одном»: счетоводом, судебным заступником и подавальщицей. Клянусь, я вовсе не брезгую разносить вино, просто хозяйка – скупердяйка и считает, будто родственники обязаны трудиться за еду.

Но, конечно, о прозе жизни я промолчала и неторопливо изложила доводы, уже один раз перечисленные в конторе судебных заступников. Ладно, кому я вру? Один из пятидесяти раз. Но если бы наставница Ру, вечно шпынявшая меня за стрекот, услышала плавную речь, прослезилась бы от гордости.

– Что вы думаете о ручных драконах? – спросил Элрой.

– Они удивительные создания, требующие особенного ухода, – выдала я строчку из прочитанной с утра газетной статьи и без зазрения совести соврала: – У меня богатый опыт в усмирении расшалившихся драконов.

– Хорошо. – Он отложил мою анкету. – На что вы готовы пойти ради должности в «Драконах Элроя»?

– Практически на все, – чистосердечно призналась я.

Если выпускница Института благородных девиц успела провалить не меньше пятидесяти собеседований и ей грозила бесплатная работа в питейном заведении, то она готова почти на все, кроме убийства и голодовки.

– В таком случае прямо сейчас… поиграйте с моим драконом! – приказал он и указал кончиком чернильной ручки в направлении своих штанов.

Не зря наставница Ру утверждала, что я получу приличное место только через постель. Накаркала, старая ворона!

Я настолько опешила, что даже голос прозвучал ровно, ни капли возмущения:

– С вашим драконом?

– Именно с ним, – невозмутимо подтвердил развратник (а с первого взгляда приличным человеком выглядел).

– Прямо здесь?

– Вас что-то смущает?

Позвольте поправку. Ради работы благородная девица будет готова почти на все, кроме убийства, голодовки и того, что прямо сейчас предлагали сделать мне. Воспитание не позволяло.

– Вовсе нет, – очередной раз соврала я, примеряясь, стоит ли швырнуть ридикюль ему в физиономию или для надежности просто подойти и огреть по башке.

Вдруг лицо Таннера ди Элроя осветилось улыбкой, сделавшей его дьявольски привлекательным. Такая улыбка даже монашку способна ввести в греховные мысли.

– Поздравляю, госпожа Амэт! – вымолвил он. – Вы только что прошли проверку на готовность отдаваться делу всей душой и получили должность стажера в отделе продаж «Драконов Элроя». Уверен, что с таким энтузиазмом уже через год вам не будет равных в продаже кормов для ручных драконов!

– То есть играть с вашим… кхм… ручным драконом уже не надо? – насторожилась я.

– Я бы с радостью, но Ральф остался дома.

Эм? То, что он дал своему мужскому достоинству имя, я еще могу понять. Но… как он оставляет*Его* дома? Простите за анатомическую подробность, *отстегивает*?!

– Насколько я понимаю, вы тоже держите дракона? – уточнил хозяин конторы.

– Я? – поперхнулась я, и тут до меня дошло, что мы говорим о тех самых выведенных в неволе ручных ящерах, которых стало модно содержать в домах вместо кошек и собак. Хотя как страхолюдинка, вылупившаяся из яйца и отрыгивающая пламенем, способна заменить мягкий мурчащий комок, для меня оставалось загадкой. В него даже носом не уткнешься и толком не потискаешь, тут же полруки оттяпает.

– Так вот, госпожа Амэт… – Будущий шеф окинул меня быстрым взглядом. – Даже если дракон от скуки сгрызет всю обивку в вашей спальне и сожжет половину кухни, в контору домашнего питомца приводить запрещается!

– Запрещается… – слабым эхом повторила я.

Святые угодники, куда я попала?!

1 Продавец чистой радости

В комнате переговоров было нечеловечески душно. Меня безбожно клонило в сон, а докладчик все говорил и говорил. Сыпал непонятными фразами, что-то объяснял, жестикулируя по-женски ухоженными руками. По идее, бесконечная речь была обращена к представителю «Драконов Элроя», приехавшему утром из столицы, то есть ко мне, но смотрел управляющий Торгового дома исключительно на своего начальника, словно искал у председателя поддержки и одобрения.

На коленях того дремал ручной дракон. На совещании толку от ящера явно было больше, чем от меня. Красноперая хохлатка с подрезанными крыльями, по крайней мере, выступала в роли живого аксессуара, сочетавшегося по цвету с алым галстуком хозяина. Я со своими очками, похожими на стрекозьи глаза, даже не могла украсить местный интерьер. Чтобы никто не сомневался, что «Драконы Элроя» прислали не какого-то там стажера (именно его), а доку в торговле кормами для драконов, я чиркнула в рабочем блокноте несколько фраз.

Каждый стажер, задержавшийся на низшей должности, знал, что сделать пометки с умным видом – настоящее искусство. Например, сосед справа строчил протокол совещания с таким усердием, что в разные стороны разлетались чернильные брызги, и я точно проигрывала на фоне этой бешеной белки. Пришлось с умным видом обвести фразы, сделав пожирнее, а потом заключить в облачка.

И пририсовать дождик, как на улице Ватерхолла.

И скукоженную рожицу.

И написать ругательство, характеризовавшее моего шефа Тома Потса как плохого человека, отправившего стажера на нуднейшее совещание в выходной день.

Другими словами, ничего не предвещало беды, и вдруг велеречивый докладчик указал рукой на фунтовый мешок корма «Вкусная жизнь». Мешок живописно стоял перед председателем и не вызывал у его ручного дракона никакого гастрономического интереса, хотя запах сухого пайка пропитал воздух переговорной комнаты.

– Продукция наших партнеров «Драконы Элроя» не соответствует нашему новому вектору в торговле, – прозвучало подлое заявление. – Наступило время идти разными путями. Поэтому мы обдумали, взвесили и приняли предварительное решение разорвать пятилетний договор поставок.

Что?

У меня глаза полезли на лоб, и докладчик тут же поспешил подсластить горькую пилюлю:

– Естественно, в следующем месяце мы приедем с ответным визитом и обсудим вопрос лично с господином ди Элроем.

Мне конец! И ведь чувствовала неладное, когда эта… принимающая сторона начала бесконечной вереницей набиваться в переговорную комнату и наводить духоту. Думала, всей конторой решили поприветствовать столичную гостью, но они просто хотели проследить, как мне дадут под зад коленом.

Да чтоб их! Еще не дали, а зад уже горел!

И ведь начальник Потс уверял, будто в Ватерхолле «давно все схвачено». Простой визит вежливости! Главное, мило улыбаться, внимательно слушать и кивать в нужных местах. Он так не хотел сам лететь в субботнюю командировку, что даже прозрачно намекнул мне о повышении. Ха-ха три раза! Похоже, в понедельник я стану единственным уволенным служащим «Драконов Элроя», просидевшим в стажерах больше года! Какой позор!

– На этом считаю совещание закрытым, – объявил докладчик.

– Постойте, – точно со стороны услышала я себя, – теперь позвольте высказаться мне.

Тереза, ты спятила?! Что ты собираешься им говорить?

– Что вы хотели сказать, госпожа Амэт? – растерялся управляющий.

Да откуда мне знать?!

С уверенной улыбкой я аккуратно закрыла блокнот, поправила очки и поднялась. Стуча каблуками по наборному паркету, прошла на место докладчика.

– Итак, господа, представляться не буду, – объявила я и замолчала, лихорадочно обдумывая речь.

Пауза затягивалась. Дракон на коленях председателя сонно зевнул. Сам председатель недвусмысленно покосился на настенный хронометр и зевнул следом за питомцем. Мой управляющий недоуменно улыбнулся, намекая, что никогда не слышал столь бесподобно исполненного молчания… и тоже зевнул. А я в панике пыталась выудить из памяти хотя бы парочку умных слов, но чего в голове не было, того не было. Сколько ни копайся. Зато имелась звенящая пустота, как в отскобленном от нагара медном котелке.

Взгляд упал на мешок корма, и я бросилась к «Вкусной жизни», как утопающий – к спасательному кругу. Схватила со стола и повернула названием к слушателям. Под пальцами перекатывались мелкие комочки. Будь я ручным драконом, тоже не стала бы реагировать на сухой паек, ела бы только парную телятину. Проклятье, драконов нельзя кормить сырым мясом…

– Всем нам известно, что ручных драконов ни в коем случае нельзя кормить сырым мясом, иначе в наших любимых питомцах проснется древний инстинкт охотника! – выпалила я.

Плотину безмолвия прорвало, а в голове вспылили десятки рекламных объявлений, переписанных по сто раз за год стажировки:

– Питание дракона должно быть сбалансированным, содержать каменный уголь, гасящий воспламеняющиеся газы, клетчатку, белок. Но никакой крови!

Не буду скромничать, о питании драконов я знала если не все, то очень многое. В теории, естественно. На прошлой неделе раз двадцать переписывала статью в газету, но Потс все время находил небрежности. Как не запомнить наизусть? Но в конечный вариант все равно закралась ошибка. Совсем маленькая, а оштрафовали так, будто я не заметила матерное слово. Жлобы!

Я старалась говорить убедительно. Речь текла плавно, улыбки получались милыми. Постепенно мной завладел азарт. Дернув на горловине мешочка завязки, я зачерпнула пригоршню коричневатых комочков и, источая острый запах алхимического порошка «Аромат говядины», начала прохаживаться по комнате.

– Другими словами, каждый раз, когда ручной дракон ест «Вкусную жизнь», он становится здоровее! Почему, спросите вы? Потому что в наш корм добавлены высококачественные алхимические эликсиры! Драконы – магические животные и испытывают слабость к продуктам чародейства. – В драматичном жесте я протянула кулак с сухими кормом под нос к председателю и срывающимся голосом вопросила: – Так почему вы не хотите заработать на этой слабости?

– Потому что с осени наш Торговый дом планирует продавать только натуральные товары, произведенные без алхимических ингредиентов. Никакой магии! У нас новый лозунг «Природе – да, чародейству – нет!», – терпеливо пояснил управляющий, хотя вопрос был сугубо риторическим и не подразумевал никаких ответов. – Я уже говорил об этом. В течение получаса!

Круто развернувшись на каблуках в сторону оппонента, я открыла рот, чтобы блеснуть каким-нибудь убийственным доводом, но в голову пришла нелепость:

– А вы проводили опрос драконов?

Святые угодники, что я несу?!

– Что она несет? – едва слышно пробормотал кто-то из клерков.

– Счастье! – пронзительно выпалила я. – Я несу счастье ручным драконам всего королевства! И прямо сейчас ваш Торговый дом отказывается стать поставщиком чистой, ничем не замутненной радости!

– Но последние исследования доказали, что алхимические эликсиры, которые используют в сухих кормах, вызывают у драконов несварение и аллергические реакции, – со своего места подал голос «бешеная белка». Честное слово, лучше бы он продолжал писать конспект.

– Что вы на это скажете? – вопросил он, сморщив нос.

То, что про слабость сказала, про счастье – сказала, даже про радость во всем королевстве не забыла, и теперь мне конец. Я точно вылечу со службы, если не смогу убедить хозяина Торгового дома не разрывать договор!

– Думаю, стоит доказать ошибочность вашего заявления, – нахально предложила я и приблизилась к председателю: – Позвольте?

Не дожидаясь разрешения, я подхватила с его коленей вялого, сонного дракона. Ящер оказался куда тяжелее, чем могло показаться. От неожиданного нападения он мигом проснулся, вытаращил желтые глазенки, и на секундочку вертикальные зрачки стали круглыми.

– Крохотулечка моя, – фальшиво засюсюкала я.

«Крохотулечка» весом в пятнадцать фунтов раскрыл зубастую пасть, выставил хохолок и воинственно зашипел мне в лицо, выдохнув облачко зловонного дыма. Подозреваю, что его хозяин тоже был не против меня обшипеть.

Ловким движением я стиснула пухлое драконье тельце под мышкой и всыпала в открытую от возмущения пасть корм. Наверняка председательский дракон питался исключительно свежими овощами и перепелиными яйцами с рынка по три шиллинга за десяток, поэтому не сразу ощутил чистую, ничем не замутненную радость от поглощения хрустких комочков. Однако, когда тебя зажимают под мышкой, как нагадившего паршивого кота, и категорично тыкают мордой в еду, приходится подчиняться и радоваться.

Ящер проглотил ком и икнул, не иначе как от счастья.

Вдруг он так проникся вкусом «Аромат говядины», что требовательно ткнулся носом в мою ладонь, поскреб лапкой с подпиленными коготками (клянусь, у председательского ящера был сделан маникюр!) и слизнул остатки корма. Расправившись с пайком, дракон повел по воздуху носом, раздул ноздри и начал рваться в сторону стола, где скособочился открытый мешок «Вкусной жизни». Обжора нырнул в корм с головой, хвост встал торчком. Из мешка донеслось довольное причмокивание.

– Что и требовалось доказать! – с торжеством в голосе объявила я.

– А у него заворота кишок не случится? – зачарованно вымолвил председатель.

– Да нет, – покачала я головой, – не думаю…

Неожиданно дракон отвалился от мешка, уселся на попу и… начал покрываться зелеными пятнами. Всей переговорной комнатой мы с ужасом следили, как глаза у земноводного становятся очень несчастными, щеки надуваются, а живот распирает. Он икнул, открыл пасть и выдохнул поток пламени. Народ отпрянул от стола, боясь оказаться подпаленным. Горячим воздухом по кабинету разметало бумаги, вспыхнул мой блокнот, и «бешеная белка» отточенным движением, словно после службы втихаря подрабатывал пожарным, выплеснул на язычки пламени стакан воды.

– Поппи, – изумленно вымолвил председатель, – ты умеешь плеваться огнем?!

В ответ бедняга дракон, похожий на божью коровку в зеленый горошек, шумно расстался с кормом, наглядно доказав, что у неподготовленного существа от неконтролируемого приема чистой, ничем не замутненной радости непременно случалось несварение.

И наступила мертвая тишина.

Моя карьера продавца кормами для ручных драконов была обречена, и на горизонте отчетливо замаячил матушкин трактир с вывеской над дверью «Душевное питье». Понимая, что положение надо как-то спасать, я с широкой улыбкой попыталась подлизаться:

– Господин председатель, вы не планируете развод? Я отличный судебный заступник по бракоразводным процессам. Могу дать пару дельных советов…

* * *

Драконы жили на земле еще в те времена, когда рельсовый омнибус, запряженный лошадью, приняли бы за демоническое существо, а маги и крылатые феи правили миром. Но если последние двое практически исчезли, то древние ящеры благополучно здравствовали и поныне. Некоторые уникумы даже считали драконов божественными существами с высшим разумом, спустившимися с небес.

Не знаю уж, были они порождением нашего мира или божественного, но в воздушном порту пахло как в обычном деревенском коровнике. Гигантские ящеры с длинными шеями, огромными крыльями и усатыми туповатыми мордами, ожидая от погонщика приказа на взлет, жевали сено, будто мирные лошадки. В смысле, исключительно уродливые лошадки, взращенные на алхимических настойках.

Купив билет на ближайшего дракона до Аскорда, я направилась к нужному вагончику, привязанному на стропах к крылато-хвостатому гиганту. От страха подгибались колени, а к горлу подступала горечь. Не зря говорили, что рожденный ползать летать не может. Я относилась к тому типу людей, которые были рождены ползать, ходить и ездить исключительно по земле! Никак иначе!

Едва я уселась в мягкое кресло, как немедленно вытащила из ридикюля флакон со снотворной настойкой и сделала глоточек. Если сильно повезет, то усну еще на взлете, как по дороге в Ватерхолл. Два раза проверив, надежно ли пристегнут ремень безопасности, я откинулась в кресле и закрыла глаза в ожидании дремы. Салон постепенно заполнялся людьми. Пассажиры нервничали, разговаривали. Сверху кто-то пытался вколотить в узкую полку для ручной клади портфель, и мне в нос утыкалась пола пиджака. С недовольством я приоткрыла один глаз, и мужчина пробормотал:

– Извините.

Но едва он утрамбовал багаж и хлопнул дверцами, как одна из створок раскрылась. Мне на голову грохнулся тяжеленный портфель, сбив с носа очки. От возмущения я вытаращилась, но уже ничего толком не увидела. Вместо лиц появились одни размытые пятна. Пришлось сильно сощуриться, чтобы прояснить обзор.

– Простите, госпожа! – спохватился опростоволосившийся пассажир, и в этот момент я даже не услышала, а скорее прочувствовала, как под его ботинком хрустнула хрупкая очечная оправа.

– Ой! – оторопел он.

– Это были мои очки? – крякнула я, немедленно осознав, что хуже день точно стать не мог. Разве что мы разобьемся над Саввинскими горами в трех часах лету от Аскорда.

– Они самые… – Мужчина вложил мне в руки остатки от жизненно необходимого аксессуара и, схватив портфель, самоустранился в конец салона.

Очки поломались надвое. Левая половинка напоминала монокль с поперечной трещиной на стекле, но при желании в него можно было смотреть одним глазом. Смиряясь с потерей, я сделала еще один глоточек сонного зелья.

– Разрешите? Мое место у окна, – произнес мужской голос над макушкой.

Я поджала ноги, чтобы пропустить соседа к окну. Он разместился, пристегнулся, случайно толкнул меня в локоть и коротко извинился. Тяжело вздохнув, я прихлебнула настойки, закрыла глаза и погрузилась в блаженную дрему.

Проснулась резко, оттого что вагончик страшно болтало. Жутко испугавшись, я сощурилась, потом приставила к глазу стеклышко. Салон трясся, и мне с трудом удалось рассмотреть, что сосед был брюнетом неопределенного возраста (мной не определенного из-за отсутствия нормальных очков), одетым в пиджак. Брюки, скорее всего, тоже имелись, но ускользнули из поля зрения.

– Мы падаем? – горячо зашептала я.

– Пока только взлетаем, – спокойно пояснил мужчина.

– Хорошо.

Я снова закрыла глаза и попыталась заснуть. Выдержала целых пятнадцать минут, а когда вагончик вздрогнул, вцепилась в руку соседа, покоящуюся на подлокотнике между нашими креслами.

– Знаете, я очень боюсь летать. Можно я подержусь за вас? – попросила я и тут же поблагодарила, пока он не послал меня в… конец салона. – Спасибо. Вы очень хороший человек.

– Тогда, пожалуйста, не могли бы вы не ломать кости этому хорошему человеку? – попросил он.

И тут до меня дошло, как крепко я стискивала его пальцы.

– Простите. У меня сильные руки. Видите? – Я сжала и разжала у него перед носом кулак.

Вчера перед командировкой покрасила ногти красным лаком, но еще по дороге в воздушный порт обнаружила, что один, на среднем пальце, облупился.

– Могу одной рукой унести четыре кружки эля. Раньше удерживала пять, но работа за конторским столом ослабляет. Кстати, я работаю в «Драконах Элроя» ведущим специалистом в отделе продаж. Слышали о таких? Очень известные мануфактуры по всему королевству. Как раз еду из командировки. Отличное вышло собрание. Меня потом накормили черной каракатицей.

– Смотрю, вам повезло выжить? – В голосе соседа просквозила ирония.

Тут нас еще разочек тряхануло. Народ испуганно вздохнул, а я зажмурилась – все равно без очков ничего толком не видела.

– Святые угодники, вы правы. Как можно врать на пороге смерти?

– Мы не умираем, – заметил он.

– Вы, может, не умираете, а я – очень даже! Не кормили меня никакой каракатицей!

– Замечу, вам повезло.

– Угу, меня вообще ничем не накормили! Жлобы! Как будто не понимали, что если назначить совещание на двенадцать утра, то из Аскорда человеку нужно вылететь в четыре ночи! Так и продержали голодную. И знаете, как прошло совещание?

– Боюсь предположить…

– Пар-ши-во!

Я вдруг почувствовала, что готова расплакаться, несмотря на принятую успокоительную настойку. Вытащив бутылочку, сделала еще один поспешный глоток, распространив на полсалона валерьяновый душок.

– Они объявили, что желают разорвать торговый договор, и я чуть не угробила их ручного дракона. Клянусь, совершенно случайно! Слушайте, может, неплохо, что мы погибнем? Тогда не придется объясняться с начальством.

– Мы не погибнем.

– Вы, может, нет, но у меня сегодня отвратительный день, так что я точно погибну в самом цвете лет!

Вдруг по небу прокатился раскат грома, и в металлическую коробку с окошками ударили яростные струи дождя. Дракон ухнул вниз. В салоне кто-то взвизгнул, прикрикнула проводница:

– Господа, сохраняйте спокойствие! Наши драконы приучены к полетам в сложных климатических условиях.

– Зато я не приучена! – едва слышно всхлипнула я, задыхаясь от чистой, ничем не замутненной паники. – Мне крышка! Как хорошо, что я уже не девственница! Было бы обидно умереть, не вкусив плотского греха. Хотя я так и не просекла, о чем весь сыр-бор.

Сосед поперхнулся.

Святые угодники, я это сказала вслух?!

И тут меня понесло. Абсолютно ничего не соображая от страха, я принялась исповедоваться человеку без лица, ведь перед смертью Святое Писание наказывало облегчать душу. Я всего-навсего следовала заветам предков: каялась в одном из страшных смертных грехов. Целый год я лгала семье о месте службы. С таким грехом к святым угодникам не попадешь ни за одну взятку!

– Скажите, вы читали «Золушку» – этот новый романчик вышел всего пару лет назад? Написала Шарли Пьетро.

– Кхм?

– Не вспоминайте, я вам расскажу. Там девицу изводила злая мачеха и две сестры, а безвольный отец кутил в трактире. Так вот, я очень похожа на эту самую Золушку, только наоборот. Меня абсолютно все любят! Понимаете? Мачеха, сводные сестры, отец – они все во мне души не чают. Считают, что я многого добьюсь. А я даже не в состоянии получить повышение, больше года в стажерах сижу. Знаете, как тягостно не оправдывать чужие ожидания? Чтобы их не разочаровывать, я наврала, будто наша контора занимается судебными разбирательствами, а не продает корм для драконов. Такой позор!

И снова рванул оглушительный гром. Сердце от страха подскочило к самому горлу. Не дожидаясь очередного приступа, сосед попытался меня успокоить:

– Поверьте, мы выживем! У заклинателя все под контролем.

– Да, но ваш голос прозвучал неуверенно…

Наконец, выпитая настойка дала о себе знать. Вместо того чтобы разразиться очередным потоком признаний, я просто широко зевнула и секундой позже вырубилась, как разряженный магический светильник…

– Тесса! Тереза, вставай! – Кто-то тряс меня за плечо, пытаясь разбудить.

С трудом разлепленные веки тут же сомкнулись обратно. Я снова понеслась на теплых волнах в приятный сон, в котором меня на руках заносил в родительский дом красивый мужик, вкусно пахнущий терпким мужским благовонием. Я с наслаждением потерлась лбом о его плечо…

– Тереза, вставай же ты! Маму с папой забирают! – крикнула Арона, младшая из сводных сестер.

К слову, старшую звали Эзрой. Их отец очень хотел мальчиков, и в отместку святым угодникам, никак не угодившим заскорузлому генералу, дал мужские имена.

– Куда? – Я принялась нащупывать на прикроватном столике очки. Нашла, нацепила на нос, и мир приобрел четкость.

– В Башню. Стражи нашли папин самогонный аппарат.

– Ох, ты ж! – пробормотала я, кувыркнувшись с кровати прямехонько на пол, потому как измятое, словно бумажный ком, платье оплело ноги. Хорошо, что я была уже одета, только туфли осталось натянуть.

– Не отставай! – скомандовала Арона, когда мы выкатились на улицу. Притом сестрица, широкая в кости, низкая ростом и богатая формами, казалось, действительно катилась, а я

хромала. Уже за порогом дома выяснилось, что из торопливости я натянула одну уличную туфлю с высоким каблуком, а другую – домашнюю, на плоской подошве.

Где-то на середине дороги в голову пришел закономерный вопрос: а как я оказалась в своей постели, если только-только погибала над Саввинскими горами в воздушном дилижансе? Подспудную мысль, что мы все-таки разбились и теперь бег по улицам в двух разных туфлях мерещился в агонии, пришлось подавить в корне. Она была не очень-то здоровой.

– Арона! – позвала я сестрицу, скакавшую по брусчатке, как горная лань. – А как я вчера домой попала?

– Тебя мужик принес! Сказал, что вы вместе летели.

– Му-мужик? – Я даже остановилась на пешеходной мостовой.

– Ага. Представительный такой. Только худенький больно. Вот так плюнешь, он и улетит.

Взмокшая от бега сестрица притормозила и, приложив к боку ладонь, перевела дыхание.

– Вы же в него не плевали? – насторожилась я, с ужасом представляя, как мое семейство встретило соседа по несчастью.

Какой оказался приличный мужчина! Девушку выслушал, да еще домой отбортовал… отгрузил… доставил. В общем, вы поняли. Но с любимых родственников станется и плюнуть, и пинка дать, и на венчание потащить, раз посмел девицу через порог отеческого дома на закорках приволочь.

– Матушка на радостях решила, что ты наврала про командировку. Откуда ему наш адрес знать? Сказал, что у тебя в блокноте нашел. И карточку свою оставил.

– А где карточка?

– У матушки. Побежали быстрее, а то придется ее из Башни вытаскивать! Она после Башни неделю зверем ходит.

Тут взгляд упал на витрину за спиной сестры. Из отражения на меня таращилось всклокоченное пучеглазое чучело с торчащей над головой, словно один упрямый рог, прядью, и в платье, точно пережеванном гигантским драконом. А туфли! Мало что из разных пар, так еще и разных цветов.

– Святые угодники! – вздрогнула я.

Подковыляв к витрине, вытащила из кармана носовой платок, послюнявила и попыталась два обведенных черной краской шара превратить в нормальные глаза. Потом поплевала на пальцы и вернула на место оттопыренную прядь, то есть прилепила к спутанному колтуну, а когда вихор снова вздыбился, то без слов сорвала у сестрицы розовый ободок с красным бантиком.

– Ты чего? – хрюкнула Арона.

– Мне нужнее! Иначе за блудницу примут! – процедила я сквозь зубы, водружая ободок на голову и придавливая упрямый вихор.

– Не примут, – убежденно возразила сестра. – Блудницы не бывают хромоногими.

Мы с ней встретились глазами в оконном отражении. Вообще, Арона страдала несвоевременными приступами честности. Наверное, поэтому из трех заключенных брачных договоров все три были расторгнуты еще до свадьбы.

– Что? – развела она руками. – Ты без красивостей похожа на судебного заступника. Они вечно по утрам в трактир приходят зеленые и помятые.

Тут я заметила, что из глубины лавки на нас с любопытством таращились покупатели, а маленькая девочка тыкала пальцем и громко плакала. Я отшатнулась от витрины и, дернув сестру за рукав, мол, бежим спасать семейство, похромала к рыночной площади.

Перед «Душевным питьем» стояла черная карета городских стражей, а на доске для меню мелом было выведено «Закрыто из-за непреодолимых обстоятельств». Когда мы с сестрой перевалили через порог, то «непреодолимые обстоятельства» перетаскивали из чулана разо-

бранные части самогонной установки, переделанной трактирным виночерпием, дядькой Невишем, из алхимических колб и узкой переносной печки.

Судя по недовольным усатым минам, «обстоятельства» в количестве трех человек ждали, чтобы их кто-нибудь уже преодолел. Видимо, ехать в карете с бряцающим грузом и разъяренной трактирщицей ужасно не хотелось. Однако наше семейство, в смысле маменька, папаня и Эзра, под гнетом вины ссутулилось за выскобленным столом. Подозреваю, что матушка прониклась суммой денежного взыскания за самогонный аппарат и загрустила.

Папа уже год гнал самопальный виски, а потом смешивал с благородным напитком из королевских виноделен и продавал. Он так набил руку, что никто из посетителей ни разу не заметил разницы. Некоторые, особенно те, кто перед громкими фамилиями имели благородную приставку «ди», даже умудрялись от восхищения закатывать глаза, чем доводили дядьку Невиша до истерического хохота.

– Господа стражи! – привлекая внимание служителей порядка, громко вымолвила я. Для пущей важности подбоченилась и выставила вперед ногу.

Господа стражи уставились на меня с искренним недоумением. Немедленно вспомнила об обувной несуразице, и ноги сами собой встали, как учили в Институте благородных девиц: пятками вместе, носками врозь.

– Что за возмутительный грабеж честных граждан королевскими служащими? – сурово вопросила я.

– Да! Грабеж средь бела дня! – поддакнула приободрившаяся мачеха Летиция.

– А вы кто, дамочка? – почесал взмокший лоб капитан.

– Я первая спросила! – фыркнула и принялась расстегивать манжету на платье. В обнимку с тяжелыми колбами из закаленного стекла заинтригованные стражи следили за внезапным раздеванием визитерши.

– Судебный заступник семьи Амэт! – с важным видом объявила я и продемонстрировала капитану запястье с поблескивающим серебристым гербом королевства. Метку ставили при вступлении в гильдию судебных заступников.

Чего не сделаешь, чтобы не разочаровывать родственников? Даже членские взносы каждый месяц начнешь платить, лишь бы дома не догадались, что единственный в их семье человек с высшим образованием уже год безуспешно пытался осчастливить всех ручных драконов королевства. Но пока только одного чуть собственными рученьками до смерти не закормил. Бедняжка Поппи, надеюсь, что его… кхм… ее… откачали.

– Заступничек, значит, пожаловал, – процедил сквозь зубы капитан.

Жаль, не сплюнул на пол, тогда бы его можно было обвинить не только в грабеже, но и в запоганивании чужого имущества. Но, видимо, у меня так алчно блеснули глаза за круглыми очками, что он громко сглотнул слюну, и на шее, над завязкой плаща, дернулся выпирающий кадык. Мол, мы тоже не пальцем рисованы.

Надо было с чего-то защиту начинать. Начала с того, что поправила на носу очки и прокашлялась.

– Позвольте повторить вопрос, по какому праву вы уносите из заведения «Душевное питье» алхимическую установку для проведения учебных опытов?

Чего?!– выразительно отразилось на лицах абсолютно всех участников драмы.

Я сама не очень поняла, что сболтнула, но слово не воробей. Слава святым угодникам, мне поддакнула матушка:

– Именно! Да! Алхимическую установку.

– Это же запрещенный самогонный аппарат! – возмутился самый молоденький страж.

И тут настал мой звездный час. Вернее, звездный час наставницы Ру, выдававшей по сто раз за занятие по правам благородных девиц:

– Чем докажете?

– Нам пришло письмо! – выпалил оппонент, но увидев, как у старшего посерело лицо, моментально прикусил язык и покрепче прижал к груди медные трубки самогонного аппарата.

– Неужели? – улыбнулась я, немедленно почувствовав, как под ногами перестает плыть пол. – Покажите мне предписание, что вы имеете право конфисковать чужую собственность по бездоказательному доносу.

С пафосным видом я протянула раскрытую ладонь, требуя бумагу. Обычно такими мелочами городские стражи пренебрегали, чтобы лишний раз не досаждать мировому судье. По слухам, господину раздражительному и ненавидевшему, когда его тревожили ради каких-то там самогонных аппаратов.

– Тьфу! – сплюнул капитан.

Я уже хотела объявить, что за опоганивание чужого имущества напишу жалобу, но он быстро протер пол подошвой и с грохотом водрузил колбу на стол. От вопиющего неуважения к частям разобранной «деточки» отец чуть за сердце не схватился.

– Господа, поосторожнее с чужим имуществом! – Осознав, что противник разгромлен всухую, матушка поднялась из-за стола и вальяжной походкой направилась к стражам.

– Извините за беспокойство, уважаемая…

– Законопослушная! – наставительно указала она.

– Уважаемая, законопослушная хозяйка, – процедил сквозь зубы капитан и смерил меня нехорошим взглядом: – Где ж вас таких умных-то только учат?

– В институтах благородных девиц.

Судя по скептическому взгляду блюстителя порядка, под розовым ободком, мятым платьем и разноцветными туфлями благородство во мне распознать было сложновато.

«Непреодолимые обстоятельства» наконец вышли из трактира. Всей семьей, прячась за занавесками, мы проследили, как они загружались в черную карету. Напоследок капитан бросил в сторону заведения, располагавшегося в бревенчатом, еще дедом Амэтом построенном доме, нехороший взгляд.

– Точно хочет вернуться, – буркнула Летиция.

– Святые угодники, думал, что потеряю свою деточку, – просюсюкал отец, оглаживая забытую на столе колбу.

– Старый дурень! – рявкнула мачеха и отвесила мужу смачный подзатыльник.

– За что? – Он вжал голову в плечи.

– Говорила же, ставь дома в погреб. А ты: виски любит воздух, виски любит воздух! – передразнила она и протянула ко мне руки, призывая в теплые материнские объятия: – Иди ко мне, Цветочек. Выступила ты прекрасно, но могла бы причесаться.

– Не успела, – позволила я расцеловать себя в две щеки.

– Кстати, – матушка посмотрела мне в лицо, – а кто был тот мужчина?

В трактире наступила пронзительная тишина. От любопытства даже дядька Невиш и кухарка Олив высунули носы из кухни. Я оглядела замершее семейство вороватым взглядом и громко вымолвила:

– Слушайте, так есть хочется. Накормите судебного заступника?

Все дружно оглянулись к Олив.

– Сейчас яишенку сварганю. – Она всплеснула полными руками.

– Не надо варганить, – жалобно попросила я. – Просто пожарь.

Ела, как смертник перед казнью. В смысле, сидела за столом, а с другой стороны, едва поместившись на лавке, за мной пристально наблюдали родственники. Как будто считали каждый проглоченный кусок. Завтрак закономерно застревал в горле. Никакого удовольствия!

Вообще, глядя на мое семейство, вовек не догадаешься, что именно я родилась с фамилией Амэт. Яркая и черноволосая, как цыганка, Эзра пошла в Летицию, низенькая полненькая Арона походила на моего отца, будто кровная дочь, и только я казалась родственницей швабре.

В смысле, высокая, худая и с невыразительными формами. В детстве мачеха думала, что меня прокляли, потому что поесть любила я, а округлости копились у Ароны.

– Что? – пропыхтела я с набитым ртом.

– Он сказал, что вы сослуживцы, – начала Летиция.

– Сослуживцы? – Аппетит мигом пропал, а сердце бухнуло в желудок и стало оттеснять глазунью обратно к горлу. С преувеличенной осторожностью я отложила вилку и отодвинула тарелку.

– Да, – согласилась мачеха. – Представительный такой, в дорогом костюме. Сразу видно, что судебный заступник. И карточка красивая.

– Красивая карточка, несомненно, важна, – поддакнула я, чувствуя, что в горле неприятно пересохло. – А можно ее посмотреть?

– Он тебе, что ли, не показывал? – сощурилась мачеха.

– Хочу сравнить, у кого лучше бумага.

Она полезла в шикарное декольте и вытащила несколько помятый белый прямоугольник. Я взяла визитку в руки и вдруг почувствовала, как задергалось нижнее веко на правом глазу.

– Худой он очень, – вздохнула Арона. – Красивый, но худой.

– У тебя все худые, кто весит меньше двухсот фунтов, – насмешливо прокомментировала Эзра.

– Держись от него подальше, – нравоучительно заключил отец, – потому что приличный мужчина так девицу через порог родительского дома переносить не будет!

– Как?

– На плече! Как мешок картошки!

– Мешок картошки? – слабым голосом переспросила я и принялась с жадностью хлебать воду.

На глянцевой дорогой карточке стоял герб родной конторы и имя, каким пугали стажеров.*Таннер ди Элрой.*Другими словами, я была обречена.

* * *

Моя лучшая подруга Фэйр любила приговаривать: умирать, так с музыкой. Я решила, что буду выставлена со службы только торжественно. Надела черное платье и дерзкий красный шарфик, чтобы всем продемонстрировать, какой черной жемчужины они лишаются! День, как назло, выдался совершенно не траурный, по-апрельски солнечный и теплый. В такой даже грустить о том, что осталась безработной, – моветон.

На службу я пришла загодя, до звонка, но в огромном особняке «Драконов Элроя» уже кипела жизнь, а в комнате, где размещался отдел продаж, полным ходом шли продажи. Конторские столы тянулись двумя рядами, по стенам расползались открытые шкафы с бесконечными папками. Вряд ли, кроме меня, кто-то еще был в курсе о том, что в каждой из них хранилось. Проклятая память!

Вообще, в служебной иерархии стажер находился на самой нижней ступени конторской эволюции, занимал стол у самой двери, то есть сидел на сквозняке, страдал насморком с октября по апрель и являлся тем, кто объявлял случайно заглянувшим: «Кабинет счетоводов напротив». Думаю, что без меня сослуживцы вообще делали вид, будто в «Драконах Элроя» счетоводов не имелось и Таннер ди Элрой лично вел расходные книги.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я быстренько уселась за рабочий стол и поняла, что в корзинке для корреспонденции не было ни одного письма, даже из тех, что остались с прошлой недели.

– Тереза, тебя вызывал Том. – Возле моего стола остановилась светловолосая «госпожа лучшие продажи прошлого года». – И еще три раза заходили, спрашивали про счетоводов. В следующий раз оставляй на столе записку, а то приходилось отвечать.

– Угу… записку, – рассеянно повторила я, будто действительно приняла близко к сердцу наставления первостатейной стервы.

Поднявшись, разгладила платье, поправила шарфик и, мысленно осенив себя божественным знамением, направилась в конец зала, где была раскрытая дверь в каморку начальника Тома Потса. Сослуживцы провожали меня жадными от любопытства взглядами.

Я замерла на пороге. Пришлось постучать два раза, прежде чем шеф обратил внимание на мое появление. Потс был лысеющим невысоким мужчиной в идеально отглаженном костюме и со значком «Драконы Элроя» на отвороте пиджака. К слову, конторским знаком он страшно гордился, и я видела, как однажды полировал его носовым платком.

– Можно?

– Проходите, госпожа Амэт, – указал он на неудобный стул перед рабочим столом.

Ну точно конец! Если бы разговор был приятный, как в прошлый раз, когда Том Потс уламывал меня на проклятущую командировку в Ватерхолл, то предложил бы посидеть в мягком кожаном кресле перед кофейным столиком, а сам разместился бы напротив. Но было указано на жесткий, скрипучий стул.

Чувствуя себя висельником на эшафоте, я присела на краешек и скромно сложила руки на коленках. Лак облупился уже на четырех пальцах, а за переживаниями я забыла безобразие стереть! Пришлось сложить пальцы в замок, спрятав непотребство.

– Опаздываете на службу? – попенял Потс.

Мы одновременно посмотрели на висевший под потолком настенный хронометр. До начала рабочего дня еще оставалось двадцать минут. Наставник пожевал губами, осознав, что сел в лужу (на самом деле, он в ней поселен навечно, но сказать об этом никому не хватает духу).

– Вчера днем в загородном клубе я доедал вкуснейший стейк с кровью…

На «стейке» мой живот отозвался голодной трелью, громко, отчетливо и жалобно, как будто я неделю не ела. Мы с Потсом сделали вид, будто конфуза не случилось, но какая, однако, жестокость говорить о еде человеку, не успевшему позавтракать! Почему нельзя отчитывать без гастрономических подробностей?

– Но оказался вызван в контору, чтобы объяснить, что случилось на совещании в Ватерхолле, и тут выяснил, что господин ди Элрой знает даже больше меня.

Неудивительно, сам в загородном клубе жевал отбивные с кровью, а серьезную встречу взвалил на хрупкие плечи стажера! Я молчала, как вражеский лазутчик на допросе, хотя, подозреваю, лучше бы с подобным усердием держала язык за зубами в Ватерхолле, и в полете… и вообще. Щеки, шея и даже уши горели, словно меня поджаривали в адском пламени.

– Так вот, у меня вопрос…

– Господин Потс, честное слово, я не специально! – выпалила я, перебивая его на полуслове. – Я их никак не провоцировала, сидела и молчала, как вы мне сказали, а они заявили, что разорвут договор. Я решила, что обязана им доказать, как хороша наша «Вкусная жизнь», и накормила Поппи. Кто же знал, что Поппи не подготовлена к такому количеству незамутненной радости… К слову, а Поппи жив… жива?

– Кто… кто такая Поппи? – поперхнулся Том.

– Эм… – Я поправила очки и махнула рукой: – Никто. Забудьте. А что вы хотели спросить?

– Откуда господин ди Элрой узнал, что вы были на совещании вместо меня?

– Кхм…

– Когда вы тут меня уговаривали отпустить в командировку…

– Простите? – Показалось, что я ослышалась. – Я вас уговаривала? Да вы тут сами… прямо на этом диване… Три часа меня по-разному обрабатывали, чтобы в Ватерхолл отправить!

Если он думал, что за провал можно сделать козлом отпущения стажера, то глубоко ошибался. Раз мне дают пинок под зад, то полетим из конторы вместе, дружно держась за руки! Как попугаи-неразлучники.

– Госпожа Амэт, что вы такое говорите? – вздрогнул Том.

Он выскочил из-за стола и, выглянув из кабинета, проверил, не подслушивает ли кто-нибудь. Конечно, нас слушали абсолютно все. Быстренько прикрыв дверь, сдавленным голосом он хрюкнул:

– Ну и выражения вы используете, Тереза.

– Это вы меня использовали! – возмутилась я. – Говорили, что даете мне шанс проявить себя. Клялись, что в Ватерхолле «все схвачено».

– Я так и сказал «все схвачено»? – Он нервно засунул палец за узел галстука.

– Именно так! Даже намекнули на повышение. Но там вообще ничего не схвачено! Вы знали про договор? – Я с подозрением сузила глаза.

Все! Дороги назад не было. Я практически обвинила начальство в том, что оно специально сняло с себя ответственность за провал и подставило безвольное, безответное создание, главной обязанностью которого было говорить: «Кабинет счетоводов напротив».

– Ну… эм… кхм… – Заминка красноречивее любых слов говорила, что Потс еще как знал. – Но! Зато вы получили повышение!

– Чего? – изумилась я.

– Господин ди Элрой объявил, что с сегодняшнего дня вы приступаете к службе его личным стажером.

– Кого? – Я почувствовала, как у меня вытянулось лицо. Почудилось, что стул начал раскаляться, точно масляная сковорода на очаге.

– Господина ди Элроя.

– Нашего? Который «дракон»? – уточнила шепотом, и Потс воровато оглянулся через плечо, словно Таннер ди Элрой частенько шпионил возле закрытых окон, спускаясь из своего кабинета по веревке. – Такая должность существует?

– С сегодняшнего дня существует, – так же тихо ответил уже бывший шеф. – Идите.

– Куда?

– На новое рабочее место. Так что поздравляю, удачи в карьере. – Он изобразил фальшивую улыбку.

– Подождите меня выпроваживать! – Я категорично выставила ладонь, мысленно пытаясь принять тот факт, что карьере продавца сухих кормов пришел трагический конец.

Выходило, меня не захотели просто уволить, а решили сначала истерзать и только потом дать пинок под зад. Жлобы! Всем известно, что сработаться с Таннером ди Элроем смогла только одна помощница: госпожа Паприкавикус. И только оттого, что носила длинную фамилию. Пока лишний раз вызовешь, чтобы отчитать, – язык ломать устанешь.

– Не расстраивайтесь, – попытался утешить меня Потс.

– Хорошо вам говорить! Из-за вас меня на вредную службу перевели! – Я принялась загибать пальцы: – Стажером оставили, жалованье не прибавили, по карьерной лестнице не подняли, а подвинули, как тут не расстраиваться?

– Ну что вы нервничаете? – Он явно издевался. – Работать лично с господином ди Элроем мечтает каждый клерк нашей конторы.

– Наверное, поэтому, как только он спускается на первый этаж, все прячутся по кабинетам, а вы вообще дверь на ключ запираете.

– Какой возмутительный поклеп, – обиделся Потс.

– И два раза в замочной скважине поворачиваете. – Я обвинительно ткнула в него пальцем.

– Но вы уже повышены.

Почему-то прозвучало как «повешены», и красный шарфик на шее вдруг показался кровавой удавкой.

– А, может, вы меня обратно понизите? – Я с надеждой подалась вперед.

Через пятнадцать минут, прижимая к груди стопку любовных романов из ящика стола, пенал с чернильными перьями, розовые домашние туфли, служившие по вечерам сменной обувью, и попранное самолюбие, я поднималась по широкой лестнице на второй этаж. И казалось, будто я забираюсь на вершину неприступной горы, чтобы скатиться кубарем да сломать себе шею.

2 Личный стажер тирана

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.